

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Э. Сетон-Томпсон

МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ

*Издательство
„Детская литература“*

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

МЕДВЕЖОНОК ДЖОНИИ

РАССКАЗ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой
книге присылать по адресу: Москва,
А-47, ул. Горького, 43. Дом детской
книги.

Перевёл с английского
Николай Чуковский

Рисунки
Н. Строгановой и М. Алексеева

Сетон-Томпсон Э.

С 33 Медвежонок Джонни. Рассказ. Переиздание.
Пер. с англ. Н. Чуковский. Рис. Н. Строгановой и
М. Алексеева. М., «Дет. лит.», 1975.

32 с. с ил. (Книга за книгой).

Рассказ о жизни зверей в Йеллоустонском заповеднике.

С $\frac{70802-230}{M101(03)75}$ 238—75

И (Кан)

I

Джонни был забавный маленький медвежонок, живший со своей матерью в Йеллоустонском парке¹. Его мать звали Грэмпи (Злюка); вместе с другими медведями они жили в лесу возле Фонтанной гостиницы.

По распоряжению управляющего гостиницей все отбросы из кухни сносили на открытую поляну в окрестном лесу, где медведи могли пировать ежедневно в течение всего лета. С тех пор как Йеллоустонский парк был объявлен заповедником для диких животных, где они пользовались полной неприкосновенностью, количество медведей там из года в год возрастало. Мирные шаги со стороны человека не остались без ответа, и многие из медведей настолько хорошо освоились

¹ Йеллоустонский парк — большой заповедник в Америке, где запрещена охота.

с прислугой гостиницы, что даже получили прозвища, соответствующие их внешнему виду и поведению. Один очень длинноногий и худой чёрный медведь назывался Тощим Джимом. Другой чёрный медведь звался Снэффи (Фыркающий). Он был так чёрен, будто его закоптили. Фэтти (Толстяк) был очень жирный, ленивый медведь, вечно занятый едой.

Два лохматых подростка, которые всегда приходили и уходили вместе, назывались Близнецами. Но наибольшей известностью пользовались Грэмпи и маленький Джонни.

Грэмпи была самой большой и свирепой из чёрных медведиц, а Джонни, её единственный сын, был надоедлив и несносен, так как никогда не переставал ворчать и скулить. Вероятно, это объяснялось какой-нибудь болезнью, потому что ни один здоровый медвежонок, как и всякое здоровое дитя, не станет беспричинно скулить всё время. В самом деле, Джонни был похож на больного. У него, по-видимому, постоянно болел живот, и это показалось мне вполне естественным, когда я увидел, какую ужасающую мешанину пожирал он на свалке. Он пробовал решительно всё, что видел. А мать, вместо того чтобы запретить ему, смотрела на такое обжорство с полным равнодушием.

У Джонни было только три здоровые лапы, блёклый скверный мех и несоразмерно большие уши и брюхо. Однако мать обожала его; она, по-видимому, была убеждена, что сын её красавец, и, конечно, совсем избаловала его. Грэмпи была готова подвергаться каким угодно неприятностям ради него, а он всегда с

удовольствием давал ей повод для беспокойства. Больной и хилый, Джонни был далеко не дурак и умел заставлять свою мамашу делать всё, что он захочет.

II

Я познакомился с Джонни летом в 1897 году, когда посетил Йеллоустонский парк в целях изучения повседневной жизни животных. Мне рассказали, что в лесу около Фонтанной гостиницы можно видеть медведей в любое время. Я не особенно верил этим рассказам, пока сам не столкнулся, выйдя из дверей гостиницы через пять минут после приезда, с большой чёрной медведицей и двумя медвежатами.

Я остановился, испуганный этой встречей. Медведи также остановились и, присев на задние лапы, разглядывали меня. Затем медведица издала странный звук, похожий на кашель — «кофф, кофф», — и посмотрела на ближайшую сосну. Медвежата, казалось, поняли, что она хотела сказать, так как немедленно побежали к дереву и стали взбираться на него, как две маленькие обезьянки. Почувствовав себя в безопасности, они уселись наверху на ветках, точно мальчишки, придерживаясь одной лапой за ствол и болтая в воздухе маленькими чёрными ножками.

Медведица-мать, всё ещё на задних лапах, медленно приближалась ко мне, и я уже начинал чувствовать себя весьма неприятно от близости этого мохнатого чудовища, стоявшего во весь свой саженный рост

и, видимо, никогда не слыхавшего о волшебной силе человеческого взгляда.

У меня не было с собою даже палки для самозащиты, и когда медведица тихо заворчала, я стал уже помышлять о бегстве, несмотря на то что, как меня уверяли, медведи никогда не нападают на человека. Но медведица снова остановилась. Она стояла в каких-нибудь тридцати шагах от меня, продолжая молча меня рассматривать, точно в нерешительности. Казалось, она размышляла: «Хотя этот человек, может быть, не хочет зла моим детёнышам, но рисковать не стоит».

Она взглянула на своих малышей и издала странный жалобный звук, вроде «ер-р-р, ер-р-р...». И они начали спускаться с дерева, как послушные дети, получившие приказание. В их движениях не было ничего неуклюжего, «медвежьего». Легко и проворно они прыгивали с ветки на ветку, пока не очутились на земле. И все трое ушли в лес. Мне очень понравились эти послушные медвежата. Как только мать приказывала им что-нибудь, они беспрекословно подчинялись ей. Но я узнал, что сама жизнь научила их послушанию.

Таким образом, мне удалось с первых же шагов довольно удачно заглянуть в семейную жизнь медведей. Ради этого стоило сюда приехать, даже если бы этим дело и ограничилось. Но мои друзья в гостинице сказали мне, что я попал далеко не в лучшее место для наблюдений. Они советовали мне пройти на свалку, за четверть мили, в лесу, где, по их словам, я могу увидеть сколько угодно медведей.

На следующий день рано утром я направился к этой медвежьей столовой, расположенной посреди сосен, и спрятался в ближайших кустах.

Ждать пришлось недолго. Из лесу тихо вышел большой чёрный медведь. Подойдя к свалке, он принялся раскапывать кучу и пожирать отбросы. Он держался очень насторожённо, приседая на задние лапы и оглядываясь при всяком шорохе или отбегая на несколько шагов, как будто в испуге. Наконец, при появлении другого медведя, он поднял уши и бросился наутёк под сосны. Второй медведь вёл себя так же боязливо и тотчас убежал, едва я зашевелился в кустах, пытаясь лучше его разглядеть.

Вначале я и сам нервничал. Ведь носить оружие в Йеллоустонском парке строго воспрещено, и у меня не было даже палки. Но робкое поведение самих медведей меня успокоило. Я с жадностью рассматривал

этих больших косматых животных, заглядывал в их домашнюю жизнь.

Однако вскоре я убедился, что избранный мною наблюдательный пункт недостаточно хорош, так как он находился приблизительно в семидесяти пяти шагах от мусорной кучи. А ближе не было ни одного куста, за которым можно было бы укрыться. Тогда я сделал единственное, что мне оставалось: пошёл к самой куче и, выкопав в ней углубление, достаточное, чтобы в нём спрятаться, пробыл там целый день, окружённый капустными стеблями, картофельной шелухой, жестянками из-под помидоров и гниющими остатками мяса. Это место мне нравилось гораздо меньше, чем мухам. В самом деле, аромат медвежьей столовой был настолько неприятен, что, когда я вернулся вечером в гостиницу, мне не позволили войти, пока я не переоделся в лесу.

Сидеть в мусорной куче нелегко, но зато я могу сказать, что в этот день действительно видел медведей. Если бы я считал каждого приходившего на свалку медведя, я мог бы насчитать их больше сорока. Но, конечно, это было бы неправильно, так как медведи уходили и возвращались. Впрочем, я уверен, что их там было не менее тринадцати, потому что такое количество я видел одновременно вместе.

Весь тот день я не оставлял альбома и записной книжки, отмечая каждого вновь появившегося медведя, и вскоре научился отличать их одного от другого.

Многие ненаблюдательные люди полагают, что все животные одной породы одинаковы. Но в действительности животные одной и той же породы так же отличаются друг от друга, как и люди. Иначе каким образом взрослые животные узнают друг друга, а детёныши — своих

матерей? Каждый из этих пирующих медведей имел свою особенность. Среди них не было двух совершенно одинаковых по облику и по характеру.

Мне удалось сделать ещё одно удивительное открытие: я легко различал стук дятла за сто шагов в лесу, трескотню цикад, крик голубой сойки, слышал даже, как белка пробирается сквозь листву, но я не мог уловить ни малейшего звука при приближении медведей. Их громадные мягкие лапы всегда ступают так осторожно, что ни ветку не ломают, ни листок не шевельнут,— так велико их искусство ходить по лесу бесшумно.

III

Всё утро медведи приходили и уходили, не замечая меня. Не считая одной или двух маленьких ссор, между ними не произошло ничего особенного. Но около трёх часов пополудни наступило некоторое оживление.

К этому времени на свалке находилось четыре больших медведя, занятых обедом. В середине был Фэтти, растянувшийся во всю длину, миролюбивый и счастливый. Иногда он пыхтел и, избавляя себя от лишних движений, всё дальше и дальше высовывал язык, похожий на длинную красную змею, стараясь слизнуть лакомые кусочки, которые легко мог бы достать лапой. Позади него Тощий Джим изучал анатомию древнего омара. С омарами он ещё не был знаком, поэтому он решил ради опыта съесть одного.

Два других медведя с поразительной ловкостью очищали жестянки из-под фруктов. Гибкая медвежья лапа держала жестянку, а длинный язык двигался взад и вперёд в узком отверстии, осторожно избегая острых краёв и вылизывая всё, что было внутри. Эта трогательная сцена продолжалась так долго, что я имел возможность зарисовать её. Она была прервана совершенно неожиданным событием.

Сначала мой взгляд уловил какое-то движение на вершине откоса, в том месте, откуда обычно появлялись медведи. Затем из лесу вышла огромная чёрная медведица в сопровождении крошечного медвежонка. Это были Грэмпи и маленький Джонни.

Старая медведица спускалась вниз по откосу. Джонни семенил рядом с нею, по обыкновению ворча и скуля, а мать не сводила с него глаз, как курица со своего единственного цыплёнка. Шагах в тридцати от свалки Грэмпи повернулась к своему сыну и, должно быть, сказала ему приблизительно следующее: «Джонни, дитя моё, тебе лучше подождать здесь, пока я схожу и прогоню этих молодцов».

Джонни послушно остался, но ему хотелось видеть, что произойдёт, поэтому он поднялся на задние лапы, выпучив глаза и наострив уши.

Грэмпи направилась к свалке, с достоинством переступая с лапы на лапу, и предостерегающе заворчала. Четыре медведя, однако, были слишком увлечены едой, чтобы обратить на неё внимание. Что за беда, если ещё один медведь собирается присоединиться к их пиршеству!

Тогда Грэмпи, подойдя к ним почти вплотную, издала ряд громких звуков, похожих на кашель, и бросилась в атаку. Странно сказать, они даже не пытались ей сопротивляться. Лишь только они увидели, кто на них напал, как сразу же помчались в лес.

Тощий Джим улепётывал во все лопатки, остальные двое тоже не отставали, но бедный Фэтти двигался слишком медленно, пыхтя и переваливаясь, как всякий толстяк. Вдобавок, к своему несчастью, он имел неосторожность направиться в сторону Джонни. В несколько прыжков Грэмпи настигла его и надавала ему здоровенных шлепков по задней части. Шлепки хотя и не ускорили его шагов, но заставили его завывать и переменить направление. Только этим он спас себя от дальнейшей расправы. Грэмпи, оставшаяся теперь единственной владелицей всей свалки, повернулась

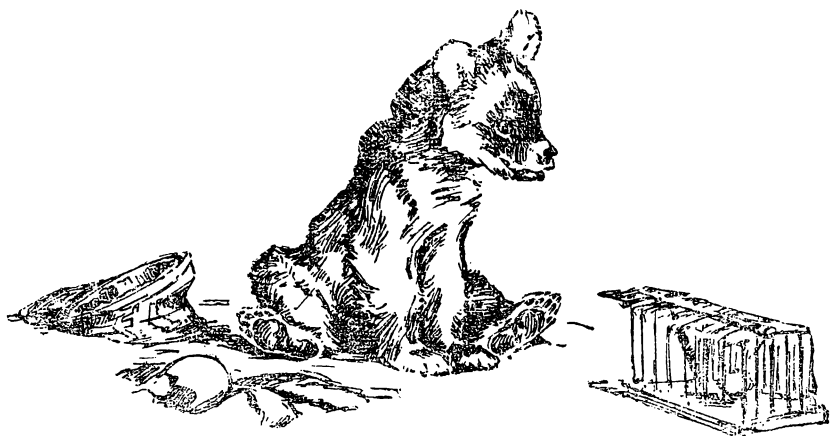

к сыну с знакомым уже мне жалобным призывом: «ер-р-р, ер-р-р...» В ответ Джонни радостно запрыгал на своих трёх здоровых лапах так быстро, как только мог. Присоединившись к матери, он с такой жадностью набросился на еду, что даже перестал скулить.

Очевидно, он уже бывал на свалке, так как отлично разбирался в жестянках и коробках. Коробки из-под омаров не прельщали его, если он мог найти банку из-под варенья. Некоторые жестянки доставили ему много неприятностей, так как он был слишком жаден и неловок, чтобы избежать их острых краёв. Одна соблазнительная жестянка из-под фруктов имела такое большое отверстие, что он просунул внутрь всю голову и в течение нескольких минут наслаждался, вылизывая самые дальние уголки. Но вытащить голову обратно ему не удалось. Он оказался пойманным. Тогда Джонни стал царапать жестянку и кричать, как сделал бы всякий другой ребёнок на его месте, доставляя этим большое огорчение своей матери, которая никак не могла ему помочь. Когда ему наконец удалось освободиться, он колотил жестянку до тех пор, пока она не сделалась совершенно плоской.

Другая большая жестянка, из-под сиропа, вознаградила

его вполне. Она была из тех, которые закрываются особой крышкой, так что её отверстие имело совершенно гладкие края. Но зато голова Джонни не влезала в это отверстие, и как он ни вытягивал свой язык, он не мог добраться до её сокровищ. Однако Джонни быстро нашёл выход из положения. Запустив внутрь свою маленькую чёрную лапу, он стал водить ею по стенкам, потом вытаскивал и вылизывал до чиста. Облизывая одну лапу, он другой работал внутри жестянки, повторяя эту операцию до тех пор, пока жестянка не сделалась такой чистой внутри, как только что выпущенная с фабрики.

Потом он заинтересовался сломанной мышеловкой. Захватив её крепко передними лапами, он принялся её исследовать. От мышеловки очень соблазнительно пахло сыром. Однако эта невиданная вещица ответила на удар его лапы ударом, и он едва сдержал крик о помощи, проявив в этом необычное для него самообладание.

После внимательного осмотра, во время которого он наклонял голову то в одну сторону, то в другую и вытягивал губы трубочкой, мышеловка подверглась тому же наказанию, как раньше непокорная жестянка из-под фруктов. Усердие Джонни было на этот раз

вознаграждено: в самом сердце преступницы он нашёл кусочек сыра.

Джонни, по-видимому, никогда ещё не случалось отравляться. После того как он вылизал все жестянки из-под варенья и фруктов, он обратил своё благосклонное внимание на коробки из-под сардин и омаров и даже не испугался военных мясных консервов. Его живот раздулся, как шар, а передние лапы от беспрестанного облизывания сделались гладкими и блестящими, как будто на них были надеты чёрные шёлковые перчатки.

IV

Мне пришло в голову, что моё место может оказаться очень опасным, так как одно дело — попасться на глаза одинокому медведю, и совершенно другое — привлечь к себе внимание сердитой медведицы, испугав чем-нибудь её медвежонка.

«Предположим,— подумал я невольно,— что маленький шалун Джонни проберётся к этому концу свалки и найдёт меня в моём убежище. Он сразу поднимет крик, а его мать, конечно, вообразит, что я напал на него, и, не дав мне возможности объясниться, позабудет все правила вежливости, установленные в парке. Тогда дело может принять весьма неприятный оборот».

По счастью, все банки из-под варенья были в другом конце свалки. Джонни держался возле банок, а Грэмпи не отходила от него далеко. Заметив, что в лапы матери попала соблазнительная жестянка, Джонни с плачем побежал к ней, требуя её себе, но тут нечаянно бросил взгляд на вершину холма. То, что он там увидел, заставило его сразу присесть на задние лапы и тревожно закашлять: «кофф, кофф, кофф, кофф».

Мать быстро повернулась и стала смотреть в ту же сторону. Я последовал за их взглядом и там — о ужас! — увидел громадного медведя из породы гризли. Это было настоящее чудовище, которое походило на закутанный в мех омнибус, двигавшийся меж деревьев. Джонни заскулил и спрятался за мать. Грэмпи глухо заворчала, шерсть на её спине стала дыбом. Признаюсь, и у меня волосы поднялись дыбом, но я старался не шелохнуться.

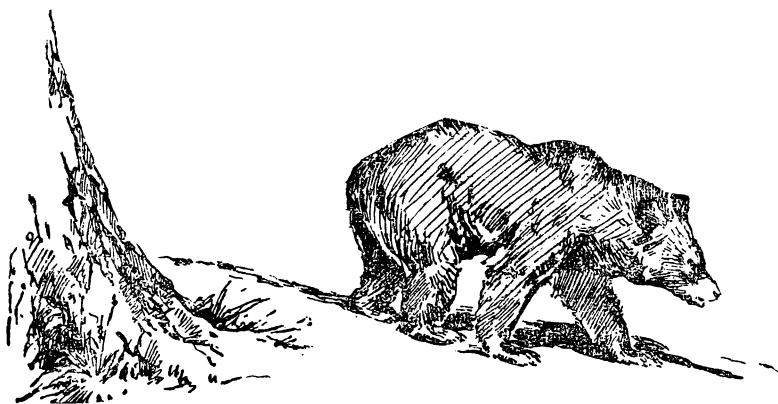
Гризли приближался величественной походкой. Его широкие плечи и серебристый мех, колыхавшийся при каждом шаге, производили впечатление такой мощи, что невольно внушали ужас.

Джонни начал ску-

лить ещё громче. Я вполне ему сочувствовал, но старался молчать по весьма понятной причине. После минутной нерешительности Грэмпи повернулась к своему плаксивому медвежонку и произнесла несколько слов, которые для меня звучали, как два или три коротких покашливания: «кофф, кофф, кофф». Но я могу представить себе, что она в действительности сказала: «Дитя моё, тебе следует взобраться на то дерево и подождать, пока я пойду и прогоню этого нахала».

Во всяком случае, так именно поступил Джонни и такое желание изъявила его мать. Но Джонни вовсе не был склонен отказываться от развлечения. Он хотел видеть, что произойдёт, и не удовольствовался тем, что спрятался в густых ветвях сосны, а постарался соединить безопасность с возможностью наблюдения. Он взобрался на самую высокую ветку и там, отчётливо вырисовываясь на фоне неба, вертелся и громко визжал от возбуждения. Ветка была так тонка, что гнулась под его тяжестью, раскачиваясь в разные стороны при всех его движениях, и я каждый миг ожидал, что она сломается. Если бы при этом Джонни упал в мою сторону, мне пришлось бы поссориться с его матерью. Но ветка, к счастью, оказалась крепче, чем я думал, а Джонни был слишком искусен в подобных упражнениях, чтобы сломать её или самому потерять равновесие.

Тем временем Грэмпи шла навстречу Гризли, вытянувшись во весь свой рост, с ошетилившейся шерстью, скрежеща зубами. Гризли, насколько я мог видеть, не обращал на неё внимания и прямо направился к свалке, как будто он был совершенно один. Но когда он поравнялся с Грэмпи, она зарычала, бросилась на него и отвесила ему жестокую оплеуху. Озадаченный, он всё же успел ответить ей ударом левой лапы и опрокинул её, как куль с сеном. Нисколько этим не укрощённая, она рассвирепела ещё больше, вскочила и снова бросилась на него.

Они обхватили друг друга и катались по земле, фыркая, рыча и поднимая целые облака пыли. Но сквозь весь этот шум я мог ясно слышать Джонни, который громко визжал на верхушке сосны и, видимо, ободрял мать, чтобы она поскорее покончила с противником.

Почему Гризли не сломал её пополам, я так и не мог понять. Через несколько минут, в течение которых мне не было видно ничего, кроме пыли и неясных очертаний дерущихся, они вдруг разошлись, как будто по взаимному уговору — быть может, согласно правилам медвежьей борьбы, — и остановились, глядя в упор друг на друга, причём Грэмпи казалась сильно утомлённой.

Гризли, по-видимому, готов был этим ограничиться. В намерения его вовсе не входило продолжать дра-

ку, а тем более обращать внимание на Джонни. Он хотел только одного: мирно пообедать. Но нет! В тот миг, когда он сделал первый шаг по направлению к свалке, а по мнению Грэмпи — к её медвежонку, она возобновила нападение. Но теперь Гризли был начеку. Одним ударом он свалил её с ног и отшвырнул на громадный, выдернутый с корнями пень. Теперь она была хорошо проучена. Сила полученного удара и жестокий приём, оказанный ей торчащими корнями, похожими на рога, отбили у неё весь воинственный пыл. Выкарабкавшись кое-как, она попыталась скрыться. Однако теперь Гризли сам пришёл в ярость и, желая её наказать, стал гоняться за нею вокруг пня. Грэмпи была подвижнее и устраивалась так, что пень всегда оказывался между нею и противником. Джонни, оставаясь на дереве, продолжал проявлять самое живое и шумное сочувствие матери.

Наконец убедившись, что поймать её таким способом невозможно, Гризли присел на задние лапы, словно обдумывая какой-то новый манёвр. Грэмпи воспользовалась передышкой и, сделав прыжок от пня, успела взобраться на дерево, где скрывался Джонни.

Медвежонок спустился немного ниже, быть может, для того, чтобы её встретить или чтобы дерево не треснуло под их двойной тяжестью. Сфотографировав эту интересную группу, я решил любой ценой получить снимок с более близкого расстояния. В первый раз за этот день я выскочил из своей норы и перебежал под самое дерево. Но эта перемена места была ошибкой, так как густые нижние ветви совершенно заслонили от меня медведей, сидевших у вершины.

Прижавшись к самому стволу, я всматривался вверх и выжидал момента, чтобы пустить в ход фотоаппарат.

Вдруг Грэмпи стала спускаться, скрежеща зубами и угрожающе кашляя. Пока я стоял в нерешительности, сзади меня раздался чей-то голос:

— Сударь, медведица нападёт на вас!

Я обернулся и увидел молодого пастуха из гостиницы. Он проезжал мимо верхом на лошади в то время, как развёртывались события.

— Вы знаете этих медведей?—спросил я, когда он подъехал ближе.

— Конечно, как мне их не знать!—отвечал он.—Этот малыш наверняка—Джонни, а с ним его мать — Грэмпи. Она

вообще добротой не отличается, а если её Джонни попадёт вот в такое положение, как сейчас, то с ней шутить нельзя.

— Мне бы хотелось сфотографировать её, когда она сойдёт вниз.

— Тогда вот что,—сказал пастух,—я останусь рядом с вами на лошади, и если медведица на вас нападёт, думаю, что мне удастся её удержать.

Он стал рядом со мною, как было условлено, в то время как Грэмпи с грозным ворчаньем медленно спускалась с ветки на ветку. Но, почти достигнув земли, она вдруг перебралась на другую сторону ствола и, спрыгнув вниз, убежала, не попытавшись выполнить свои страшные угрозы. Итак, Джонни снова остался один. Взобравшись на прежнее место, он жалобно заплакал: «Уа, уа, уа!»

Камера была наготове, и я уже собирался запечатлеть Джонни в его любимой позе, которую он принимал всегда, когда плакал, но вдруг он вытянул шею и стал кричать во всё горло.

Взглянув в сторону, куда смотрел Джонни, я увидел, что на меня идёт Гризли, пока ещё не начиная враждебных действий, но с очевидным намерением пройти всё расстояние, отделявшее нас друг от друга.

Я спросил моего приятеля пастуха, знает ли он этого медведя.

— Как не знать! Это старый Гризли, самый большой медведь в парке. Обыкновенно он занят только своими делами и никого не трогает, если его не тревожить. Но сегодня, вы сами видели, он сильно возбуждён и может быть опасным.

— Мне бы хотелось его сфотографировать, — заметил я. — Если вы мне поможете, я сделаю попытку.

— Ладно, — ответил пастух, поморщившись. — Я останусь на лошади и, если он нападёт на вас, постараюсь его отвлечь. Я могу ударить его один раз, но второй раз мне вряд ли это удастся. Вам бы лучше взобраться на дерево.

Но так как единственное дерево поблизости было то, на котором сидел Джонни, предложение пастуха меня совершенно не прельщало. Я живо представил себе, как карабкаюсь наверх, к Джонни, а мать его преследует меня по пятам, в то время как Гризли поджидает внизу той секунды, когда Грэмпи сбросит меня прямо ему в лапы.

Гризли приближался. Я сфотографировал его в сорока шагах, затем ещё раз — в двадцати, а он спокойно продолжал шествовать ко мне. Я присел на кучу мусора и стал ждать. Восемнадцать шагов, семнадцать шагов, двенадцать, восемь... Он всё ещё шёл, а Джонни кричал всё громче. Наконец в пяти шагах от меня он остановился и наклонил свою страшную бородатую голову набок, чтобы рассмотреть, кто поднимает такой гам на вершине дерева. Это движение показало мне его в профиль, и я снова щёлкнул камерой. При этом звуке он обернулся с таким ужасным рычаньем, что я замер на месте, думая, что пришёл мой конец. Некоторое время он смотрел на меня в упор, и я мог различить маленькие зелёные огоньки в его глазах. Затем он опять медленно повернулся и схватил большую банку из-под томатов.

«О ужас! Неужели он швырнёт её в меня?»

Так я подумал. Но вместо этого он с самым беспечным видом принялся её вылизывать, затем отбросил в сторону и взял другую банку, потеряв сразу всякий интерес ко мне и к Джонни и решив, по-видимому, что мы оба не стоим его внимания.

Я стал пятиться назад медленно и почтительно, как подобало в присутствии короля лесов, оставляя в его полном распоряжении все богатства свалки, в то время как Джонни в своём убежище заливался плачем, походившим теперь на кошачье мяуканье.

Что произошло с Грэмпси дальше в тот день, мне так и не удалось узнать. Джонни, поплакав ещё некоторое время, понял наконец, что ему не у кого искать сочувствия, и весьма благоразумно замолчал. Оставшись без матери, которая одна могла бы о нём позаботиться, он решил, что надо действовать самому, проявив при этом большую сообразительность, чем можно было от него ожидать. Последив за Гризли с лукавым выражением на маленькой чёрной мордочке и подождав, пока тот отошёл на некоторое расстояние от дерева, он тихо соскользнул на землю с другой стороны ствола, потом на трёх ногах перебежал, как заяц, к соседнему дереву, не останавливаясь и не переводя дыхания, пока не взобрался на самую верхнюю ветку. Несомненно, он был вполне убеждён в том, что Гризли

только и думает, как бы убить его, маленького Джонни. Но он так же твёрдо знал, что его враг не может лазить на деревья.

Внимательно понаблюдав за Гризли, который в действительности не обращал на него ни малейшего внимания, Джонни повторил опять тот же манёвр, сделав для разнообразия маленькое движение в сторону, чтобы обмануть врага. Так он перебегал от дерева к дереву, взбираясь на самую вершину каждого из них, хотя бы оно было совсем рядом, пока наконец не скрылся в лесу. Минут через десять его плаксивый голос снова слышался в отдалении. Я понял, что он нашёл мать и возобновил свои жалобы, рассчитанные на пробуждение её родительских чувств.

V

Из всех консервов, остатки которых попадали на свалку, больше всего приходились по вкусу Джонни большие красные сливы. Самый запах этих слив приводил его в возбуждение. Однажды, когда в кухне гостиницы пекли сразу громадное количество пирожков с красными сливами, болтливый ветерок разнёс известие об этом событии далеко по лесу. Оно проникло через нос Джонни в самую его душу.

Джонни, по своему обыкновению, в это время скулил и хныкал. Грэмпи была занята облизыванием и расчёсыванием своего сына, так что он вдвойне имел основание жаловаться. Но запах пирожков со сливами подействовал на него, как удар плети. Он вскочил, а при попытке матери удержать его на месте поднял крик и даже укусил её. Нужно было бы хорошенько проучить его за это, но она только неодобрительно поворчала и пошла за ним, чтобы защитить, если кто-нибудь вздумает его обидеть.

Держа свой чёрный носик по ветру, Джонни по-

мчался прямо к кухне. Впрочем, по дороге он принимал некоторые предосторожности, взбираясь время от времени на самые вершины сосен, для того чтобы бросить взгляд на окрестность, тогда как Грэмпи сторожила его внизу. Так они добрались до самой кухни. Там, на верхушке последнего дерева, предприимчивость Джонни сразу иссякла, и он так и не решился спуститься вниз, выражая свою тоску по пирожкам душераздирающим плачем. Вряд ли Грэмпи знала, почему он плачет. Но когда она захотела повернуть назад, в лес, Джонни устроил такой скандал, что она не решилась его оставить, а он сам не изъявлял никакого желания сойти с дерева.

Грэмпи и сама была не прочь отведать сливового варенья, запах которого возле гостиницы был особенно силён. И вот с некоторой опаской она направилась к кухонной двери.

В этом не было ничего удивительного: в Йеллоустонском парке медведи нередко приходят к дверям кухни за подачками и, получив что-нибудь от прислуги, так же мирно удаляются обратно в лес. Несомненно, Джонни и Грэмпи получили бы каждый по пирожку, если бы не произошло совершенно неожиданное обстоятельство.

Незадолго до этого какой-то заезжий путешественник из Восточных штатов привёз в гостиницу кошку. Сама она была ещё почти котёнком, но уже имела целую семью собственных котят. Когда Грэмпи подошла, кошка вместе с котятами нежилась на солнце, лёжа на кухонном крыльце. Раскрыв глаза, она с удивлением смотрела на громадное мохнатое чудовище, стоявшее над нею.

Кошка никогда раньше не видела медведя: она слишком недолго прожила в парке. Она даже не понимала, что такое медведь. С собаками она была хорошо знакома, и если это была собака, то, во всяком случае, самая большая и страшная из всех, каких

только она видела наяву и во сне. Первая мысль кошки была — спастись бегством, но затем она подумала о котятах. Она должна позаботиться о них и, по крайней мере, дать им возможность уйти. И вот эта маленькая мать встала посреди крыльца и, выгнув спину, выпустив когти, подняв хвост и вообще сделав все нужные приготовления, прошипела медведице свой приказ: «Стой!»

Хотя это было сказано на кошачьем языке, но медведица вполне поняла смысл. Очевидцы утверждают, что Грэмпи не только остановилась, но даже подняла вверх передние лапы в знак покорности.

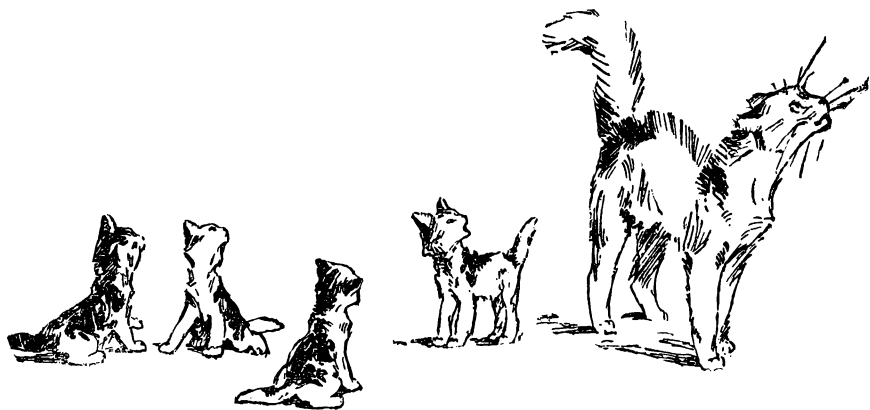
Но когда она приняла это положение и взглянула на кошку сверху, кошка показалась ей уж совсем крошечной. Старая Грэмпи не побоялась даже Гризли, неужели теперь её удержит такое ничтожное хвостатое существо, величиной не больше её пасти? Ей стало стыдно самой себя. А плач Джонни напомнил ей о её прямом долге — защищать сына.

Тогда она снова опустилась на все четыре лапы с намерением идти дальше.

И опять кошка крикнула: «Стой!»

Однако Грэмпи на этот раз не послушалась. Испуганное мяуканье котят возбуждало кошку, и она бросила вызов неприятелю. Восемнадцать острых когтей и полная пасть зубов — всё оружие, которое имела кошка, — было пущено ею в ход, и с мужеством отчаяния она вцепилась в голый чувствительный нос Грэмпи — самое слабое место у всякого медведя — и потом по её спине перебралась к хвосту. После двух-трёх попыток сбросить разъярённого маленького зверя старая Грэмпи поступила так, как поступает большинство при таких обстоятельствах: она показала пятки и бросилась прочь из неприятельского лагеря, в родные леса.

Но в кошке проснулись воинственные наклонности. Она не удовлетворилась изгнанием врага, а хотела добиться полного его поражения и безусловной покорности. Хотя старая Грэмпи убегала во всю прыть, кошка

оставалась у неё на спине, работая зубами и когтями, как маленький чертёнок. Грэмпи, охваченная ужасом, стала кидаться в разные стороны, и путь этой странной пары отмечался на земле клочками длинной чёрной шерсти и даже кое-где пятнами крови. Честь кошки была вполне восстановлена, но этого ей было мало. Она продолжала свою бешеную скачку. Грэмпи пришла в полное отчаяние. Она была унижена и готова принять какие угодно условия сдачи. Но кошка казалась глухой к её вою. И неизвестно, как далеко зашло бы дело, если бы не Джонни, который пронзительным криком с верхушки дерева невольно внушил матери новый план спасения. Грэмпи в два прыжка достигла сосны и вскарабкалась наверх.

Здесь кошка ясно почувствовала, что попала в лагерь неприятеля, численность которого вдобавок удвоилась. Благоразумно решив прекратить преследование, она соскочила со спины медведицы на землю и стала прогуливаться вокруг дерева с высоко поднятым хвостом, вызывая поглядывая вверх, точно приглашая врага спуститься. Потом к ней присоединились котята и, усевшись в кружок, громко выражали своё удовольствие. По уверению свидетелей, медведи ни за что не спустились бы с дерева и погибли бы от голода, если бы повар не позвал кошку обратно.

Когда я в последний раз видел Джонни, он сидел на верхушке дерева и, по обыкновению, оплакивал свою несчастную участь. А в это время Грэмпи рыскала между соснами, высматривая какую-нибудь жертву для расправы.

Было начало августа, и в поведении Грэмпи уже замечались некоторые перемены. Среди обитателей парка она всегда считалась «опасной», а её любовь к Джонни признавалась основной чертой её характера. Между тем к концу этого месяца Джонни уже нередко проводил целые дни на верхушке какого-нибудь дерева в полном одиночестве, чувствуя себя глубоко несчастным.

Последняя глава его короткой истории относится уже к тому времени, когда я уехал из Йеллоустонского парка.

Однажды на рассвете Джонни тащился следом за своей матерью, блуждавшей вблизи гостиницы. В кухне в это время находилась девушка-ирландка, незадолго до того принятая на службу. Выглянув в окно, она увидела, как ей показалось, телёнка, забредшего куда не следует, и побежала прогнать его. Открытая кухонная дверь со времени истории с кошкой всё ещё вызывала такой ужас в Грэмпи, что она немедленно пустилась наутёк. Джонни, заражённый её испугом, бросился к ближайшему дереву, которое, к несчастью, оказалось... фонарным столбом. Быстро, слишком быстро достиг он его верхушки, в каких-нибудь семи футах от земли, и там принялся изливаться своё горе, тогда как Грэмпи продолжала бежать без оглядки. Когда девушка подошла ближе и увидела, что загнала на столб какого-то дикого зверя, она перепугалась не меньше своей жертвы. Но тут подоспели другие кухонные служители и, узнав крикуна Джонни, решили взять его в плен.

Принесли ошейник и цепь, и после борьбы, во

время которой несколько человек были сильно поцарапаны, ошейник был надет на шею строптивного медвежонка, а цепь крепко привязана к столбу.

Почувствовав себя в плену, Джонни пришёл в такое бешенство, что даже не мог кричать. Он только кусался, рвал и царапал всё вокруг себя, пока не выбился из сил. Тогда он снова заголосил, призывая мать. А она хотя и показывалась раз или два на почтительном расстоянии, но, боясь встретиться с кошкой, ушла в лес, предоставив Джонни его участи.

Весь этот день он то бился, то принимался кричать. К вечеру он окончательно обессилел и даже принял пищу, которую ему принесла ирландка Нора. Эта девушка чувствовала себя обязанной принять на себя роль приёмной матери Джонни: ведь по её вине он лишился своей настоящей матери!

Ночь была очень холодная, и Джонни сильно замёрз.

В последующие дни Грэмпи часто появлялась на свалке, но, по-видимому, совершенно забыла о своём сыне. Джонни продолжал оставаться на попечении Норы и получать от неё пищу. Впрочем, он получил от неё и кое-что новое для себя: однажды, когда она принесла ему обед, он цапнул её и за это впервые в своей жизни был отшлёпан самым настоящим образом. В течение нескольких часов он дулся: он не привык к подобному обращению. Но голод взял своё, и с тех пор он стал относиться с большим почтением к своей воспитательнице. Нора усердно воспитывала осиротевшего маленького медвежонка, и через две недели нрав Джонни уже значительно изменился. Он стал много спокойнее и хотя по-прежнему выражал свой голод в плаксивых звуках «ер-р-р, ер-р-р, ер-р-р», но уже редко поднимал крик, а его неистовые выходки совершенно прекратились.

Ко второй половине сентября перемена в его характере сделалась ещё более заметной. Брошенный своей матерью, он всецело привязался к Норе, которая его

кормила и наказывала, пока из него не выработался чрезвычайно благовоспитанный медвежонок. Иногда она даже отпускала его на свободу, и он в таких случаях направлялся не в лес, а в кухню, где находилась его приёмная мать, и ходил за нею по пятам на задних лапах. Здесь ему также пришлось познакомиться с кошкой, этим ужасным зверем, обратившим в бегство его мать. Но Джонни имел теперь могущественного покровителя, Нору, и кошке в конце концов пришлось заключить с ним мир.

В октябре гостиница должна была закрыться на зиму. Стали думать о том, как поступить с Джонни: выпустить ли его на свободу или отправить в Вашингтонский зоологический сад. Однако Нора предъявила на него свои права, которыми ни за что не хотела поступиться.

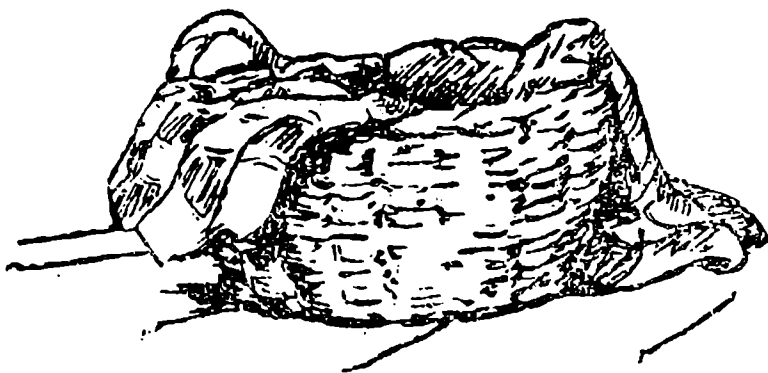
С наступлением морозных ночей, в последних числах сентября, у Джонни появился сильный кашель. Осмотрели его хромую ногу и увидели, что её слабость зависела не от какого-либо повреждения, а объяснялась общим недомоганием и слабостью всего организма.

Он не только не разжирел, как большинство медведей в неволе, но, наоборот, продолжал худеть. Живот у него ввалился, кашель делался всё хуже и хуже, и однажды утром его нашли совсем больным и дрожащим в его постели под фонарным столбом. Тогда Нора взяла его в дом, и с тех пор он остался на кухне.

В течение нескольких дней после этого в его здоровье, казалось, наступило улучшение, и он по-прежнему проявлял любопытство ко всему окружающему. Большое светлое пламя в кухонном очаге особенно привлекало его, и когда открывали дверцы, он усаживался на задние лапы с выражением сосредоточенного внимания. Но ещё через неделю он потерял интерес даже к этому зрелищу и со дня на день хирел всё больше и больше. В конце концов, что бы ни происходило около него, ничто не могло больше возбудить его обычную любознательность.

Кашель его всё усиливался, и он всегда казался очень несчастным, за исключением тех минут, которые проводил на коленях у Норы. Тогда он ласкался к ней и разными способами выражал свою радость, но всякий раз принимался жалобно плакать, лишь только она отправляла его обратно в корзинку, служившую ему постелью.

За несколько дней до закрытия гостиницы Джонни впервые отказался от своего обычного завтрака и тихо скулил, пока Нора не взяла его к себе на колени. Он прижался к ней, но его нежное «ер-р-р, ер-р-р» звучало всё слабее и слабее, пока совсем не затихло. Через полчаса, когда она уложила его обратно в корзинку и принялась за свою работу, маленький Джонни утратил навсегда стремление видеть и понимать всё, что происходило вокруг него...

Цена 7 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой»
в 1975 году выходят следующие книги:

Мошковский А. ТРИ БЕЛОСНЕЖНЫХ ОЛЕНЯ.

Рассказы о Севере, о жизни детей в тундре

Островский Н. ГУДОК.

Отрывок из романа «Рождённые бурей»

Пришвин М. РАССКАЗЫ.

Рассказы о природе и животных.

Эти книги по мере выхода их в свет можно
приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации

Для младшего возраста

Э. Сетон-Томпсон

МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ

Ответственный редактор *М. Ю. Коженикова*. Художественный редактор
С. И. Никитя. Технический редактор *Г. Г. Стан.* Корректор *А. Н. Гриберман.*
Сдано в набор 28/VIII 1974 г. Подписано к печати 14/I 1975 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бум. типогр. № 2. Усл. печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,63. Тираж 750 000 (375 001—750 000)
экз. Заказ № 3344. Цена 7 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература».
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного коми-
тета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. Москва, Сушёвский вал, 49.